

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Котова Вячеслава Георгиевича «Средний и верхний палеолит Южного Урала», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология

Диссертация Вячеслава Георгиевича Котова посвящена среднему и верхнему палеолиту Южного Урала – ключевого региона, играющего роль перекрестка для Русской равнины, Западной Сибири, Средней Азии. Его изучение имеет длинную историю настойчивых поисков, экспедиций и открытий, включая открытия мирового уровня. Наконец, научное обособление Южного Урала в самостоятельную региональную единицу нашло выражение в собственной культурно-хронологической схеме, предложенной в данной работе автором, занимающимся археологией палеолита здесь более 30 лет и, несомненно, являющимся ведущим специалистом.

Источниковую базу диссертации составляют 111 археологических местонахождений Южного Урала. В изучении большинства памятников В.Г. Котов принимал самое активное участие. Он является автором открытия ряда объектов. Кроме того, в диссертации также привлечены материалы исследований С.Н. Бибикова, К.В. Сальникова, О.Н. Бадера, Г.Н. Матюшина, В.Т. Петрина, А.Р. Губайдулиной, В.Е. Щелинского, Т.И. Щербаковой, П.Е. Нехорошева, В.С. Житенева и других. В задаче построения собственной культурно-хронологической схемы были привлечены интерпретационные культурно-хронологические представления М.Ш. Галимовой, П.Ю. Павлова, В.Е. Щелинского, Т.И. Щербаковой, Г.Н. Матюшина, О.Н. Бадера, В.И. Канивца.

В целях разработки единой модели развития культуры населения Южного Урала в среднем – верхнем палеолите автором избран путь единообразного культурно-типологического представления материалов

археологических местонахождений в рамках методологии изучения орудий каменного века. Суть которой состоит в представлении культурных традиций и стадий развития в виде наборов или совокупностей типов орудий и других проявлений человеческой деятельности. В рамках этого подача материалов выполнена логично и последовательно. Описание памятников сопровождается таблицами с количественными данными по основным классам артефактов. В единую таблицу сведены радиоуглеродные даты, приведенные к календарным значениям.

В *первой* главе диссертации В.Г. Котов приводит палеогеографическую характеристику Южно-Уральского региона. Во *второй* главе представлена история изучения палеолита Южного Урала и методологическая основа данного исследования.

Третья глава посвящена среднему палеолиту Южного Урала. Ведущей индустрией является кусимовский тип, выделенный на основе стоянки-мастерской Кусимово-6, характеризующийся как среднепалеолитический с ашельскими чертами. Основные корреляционные связи от кусимовского типа индустрии протянуты в Восточную Европу – в бассейн р. Печоры и Молдову. Пещера Иманай-1 рассматривается как поздний памятник этой традиции, помещаемый в период МИС 3 и начало верхнего палеолита. Остановившись на последней, следует отметить, что натяжкой является вывод о том, что если в Иманай-1 не найдены проколки и скребла, значит, скорее всего, обитатели массово изготавливали кожаные ремни для плетения ловчих сетей (С. 99). Местонахождение Муллино-2 этого же времени имеет облик леваллуазской среднепалеолитической индустрии. Отнесение стоянки Новобелокатайская к леваллуазскому технокомплексу на основе одного леваллуазского и одного псевдолеваллуазского отщепов, по моему мнению, не достаточно надежно. В целом автор неоднократно отмечает сохранение среднепалеолитического индустриального компонента в верхнем палеолите. На этом основании рассматривается идея трансляции среднепалеолитических традиций в эпоху верхнего палеолита.

Четвертая глава посвящена верхнему палеолиту Южного Урала. Общим фоном для анализа позднего палеолита здесь выступает разработанная для позднего палеолита Северо-Восточной Европы и Северного Урала концепция П.Ю. Павлова. Согласно ей ранний верхний палеолит имеет селетоидные и ориньякоидные признаки и сформирован под влиянием культуры населения Русской равнины. Между ранним и поздним этапами позднего палеолита имеется хиатус. На позднем этапе, в конце Последнего ледникового максимума складывается уральская культура, развивающаяся в две стадии. Ее происхождение П.Ю. Павлов связал с сибирским средним верхним палеолитом мелкопластинчатой индустрии.

В.Г. Котов в материалах Южного Урала также представляет две хронологические группировки, относимые к раннему и позднему верхнему палеолиту. Ранний этап, относимый к МИС 3, с одной стороны, сохраняет преемственность культуре каменного производства среднего палеолита. Подчеркивая среднепалеолитические и верхнепалеолитические черты в позднем этапе верхнего палеолита, он объединяет ранний и поздний этапы в единую культурную традицию, опуская в ранний верхний палеолит начало уральской культурной традиции.

Следующий этап, поздний верхний палеолит, целиком представлен на Южном Урале памятниками уральской культуры, описанной ранее П.Ю. Павловым. В.Г. Котов воспроизводит вывод о связи этой традиции или полученном импульсе от культурного круга сибирских мелкопластинчатых индустрий среднего верхнего палеолита. Уральская культура характеризуется нуклеусами параллельного и радиального скалывания, чопперами, скреблами, разнообразными резцами, орудиями с шипами и выемками, пластинками с притупленным краем, часто намеренно фрагментированными, усеченными ретушью, скребками высокой формы, вкладышевыми орудиями, костяными изделиями, часто украшенными орнаментом, скульптурами из слегка обработанных фигурных форм камня. Наличие микролитов связывается с возможным проникновением населения

из Южного и Восточного Прикаспия. В целом эта история имела «миксовый» характер сохранения и доминирования местного населения и уральского палеолитического культурного компонента со смешением с разнородными пришлыми группами. В раннем голоцене в недрах верхнего палеолита и уральской культуры появляются мезолитические признаки. Тем самым В.Г. Котов показывает переход к смене эпох. В итоге модель, или схема, в которой В.Г. Котов изначально отталкивался от концепции П.Ю. Павлова, приобрела нюансы и детали: идею преемственности от среднего палеолита через весь верхний палеолит и идею смешения с пришлыми группами населения. Автор объединил южноуральские памятники в «Южно-Уральский вариант» уральской общности верхнего палеолита.

При этом есть тезис о том, что была миграция какой-то группы из Франко-Кантабрийской области, судя по живописи Каповой пещеры. Этот тезис появляется только в заключении. Антропоморфной женской фигуре из стоянки Лабазы-1 найдены аналоги в виде сходных по форме и типу антропоморфных статуэток на фигурных костях животных в виллендорфско-костенковской культуре в Авдеево и Пршедмости. На С. 256 лишь в сноске упомянуты два граветтийских острия из Каповой пещеры (Шульган-Таш) как свидетельство, адресованное в верхний палеолит Русской равнины. В общей же концепции развития позднего палеолита при явно выраженном акценте на влияние из Сибири и из Прикаспия проблема связей с западными от Южного Урала территориями Восточной Европы, по сути, пропущена.

Есть ряд логических противоречий, бросающихся в глаза оппоненту. С одной стороны на С. 221 указывается, что «Для большинства памятников 1-й и 2-й групп (т.е. раннего и позднего этапов верхнего палеолита) характерен сходный набор технических приемов обработки нуклеусов». С другой стороны, на С. 247 мы находим, что «столь резкие и всеобщие изменения в технологии и морфологии каменной и костяной индустрии в Уральском регионе на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита могли

произойти под влиянием контактов и активного смешения с инородным населением».

На С. 248 читаем: «На этом основании мы можем предполагать, что «уральская верхнепалеолитическая традиция» формировалась в конце среднего периода верхнего палеолита на местной основе в результате смешения и постоянного смешивания уральского населения с пришлыми группами населения – носителями мелкопластинчатых индустрий». Однако, как быть с тем, что средний верхний палеолит в регионе никак не представлен? Так, на С. 251 читаем: «На Южном Урале не выявлена ни одна стоянка среднего этапа верхнего палеолита в период от 26 до 23 тыс. л.н.». И здесь же противоречие: «О том, что эти процессы на Южном Урале начались достаточно рано, свидетельствуют памятники с пластинчатой индустрией раннего этапа верхнего палеолита – стоянки Смеловская 2 и Лабызы-1» Так, значит эти процессы (смешение культур или групп) начались ранее среднего верхнего палеолита?

На С.250: «Исходя из того, что индустрии раннего и позднего этапов верхнего палеолита Уральского региона имеют сходные технико-типологические характеристики, мы должны исходить из представлений о единой культурной традиции, существовавшей на протяжении около 30 тыс. л.н., поэтому относить эти памятники к единой «уральской археологической культуре» нет никаких оснований». Это достаточно странно: единая культурная традиция существовать 30 тысяч лет может, а единая археологическая культура – нет. А речь идет не об одной и той же сущности?

На С. 251: «во время максимума последнего оледенения, по крайней мере, большая часть населения ушла не только с Северного и Среднего Урала, но и с территории Южного Урала [Павлов, 2015, с. 55]. В конце максимума оледенения 23-22 тыс. лет назад произошло заселение территории Южного Урала носителями мелкопластинчатой индустрии». Однако, что здесь соискатель имеет в виду? Повторное ли заселение Южного Урала носителями мелкопластинчатой индустрии, или первое их появление? Судя

по Рис. 4.6., индустрия стоянки Лабазы 1 (ранний этап верхнего палеолита) была мелкопластинчатой.

На С. 254: соискатель пишет: «Поэтому мы может говорить об общем технико-типологическом сходстве только с памятниками Сибири раннего этапа верхнего палеолита. В этом отличие нашей концепции от предложенной П.Ю. Павловым, который видел сходство с индустриями Ангара-Чулымской общности среднего этапа». А далее на С. 255: «В долине Среднего Енисея на рубеже 22-21 тыс. л.н., точно также как и на Южном Урале, произошла смена индустрий в сторону мелкопластинчатости, увеличения доли резцов, вкладышей и изделий из бивня мамонта». Так есть все-таки сходства с индустриями среднего этапа? И, наконец, надо прояснить: если постулируется сходство индустрии раннего и позднего этапов верхнего палеолита Уральского региона в виде сходных технико-типологических характеристик, как единой культурной традиции, как это уживается с идеей о смене индустрии в сторону мелкопластинчатости? Лабазы 1 - не мелкопластинчатая индустрия? (С. 135: «В итоге изучения каменных изделий Лабазы 1 по характеру первичной обработки, формы пластин, наличию пластин с притупленным краем, формы скребков и долотовидных орудий можно говорить о вероятном сходстве с памятниками «уральской» линии развития верхнего палеолита»)

Ряд замечаний есть в отношении изложения и подачи материалов отдельных памятников. В особенности это касается всемирно известной Каповой пещеры (Шульган-Таш).

Следовало бы в большей степени уделить внимание анализу настенной живописи, в частности, дать обзор проводимых ранее самим В.Г. Котовым исследований семантики, мифологии, этнографии настенных изображений. Одновременно с этим пояснить, что В.Г. Котов имел в виду под культом гор, пещер и камня в духовной культуре людей (стр. 225). И не хватает иллюстраций наскальных рисунков!

Следовало бы представить такой уникальный артефакт как чашечка из обожженной глины, возможно, жировая лампа из коллекции В.Е. Щелинского.

Следовало бы представить результаты исследований В.С. Житенева о происхождении найденной здесь уральской яшмы из района Магнитогорского синклиория, указывающие на дистанцию транспортировки в 150 км и характеризующие в этом отношении мобильность населения (Археология Волго-Уралья, 2021: С. 93).

Нет четких доказательств расщепления известняка и кальцита в культовых целях, равно как и нет доказательств детского труда в этом сюжете (Пещеры Капова и Заповедная).

В разделе о стоянке Шульганово 4 галечные предметы, представленные как антропоморфные личины, весьма в этом качестве условны. А в виду важности подачи их как предметов искусства и знаково-символической деятельности в верхнем палеолите, следовало бы усилить аргументацию специальными процедурами изучения и документирования искусственных следов на предметах. То же самое сомнение должно быть высказано и в отношении галечных скульптур стоянки Сергеевка 1 (Рис. 4.45.1,2), чей «иконический» облик далеко не очевиден.

Шульганово 4 представлено как предвходовая стоянка для Каповой пещеры. Между тем, расстояние между ними 200 м, что делает такой вывод спорным. Не даны в иллюстрациях артефакты из «пещерного камня» - кальцита.

Тезис о наконечниках стрел в пещере Байсланташ на основе двух невыразительных пластинок (рис. 4.87.4,7) не убедителен. Продолжая про наконечники стрел, следует отметить, что иллюстрации представленных как наконечники стрел предметов выглядят не достаточно убедительными, и во введении в оборот самых ранних в палеолите Южного Урала наконечников стрел следовало бы особо обратить внимание на аргументацию. На представленном рисунке 4.44. предметы со стоянки Сергеевка 1 могут быть

поняты и как обломки, и как резцы, и как резчики, и как отщепы с краевой ретушью.

В разделе, посвященном Игнatieвской пещере, также как и в Каповой пещере есть описания рисунков, но нет отсылок к иллюстрациям их. Есть общая схема изображений в пещере, но она не удовлетворительна.

В разделе, посвященном пещере Заповедной, на С. 209-210 дано описание пяти культовых комплексов, связанных с почитанием черепов пещерного медведя. Поражает воображение, например, «один демонстрационный комплекс («Ж») в зале VII – череп медведя на камне, вокруг которого лежало около десятка медвежьих черепов, что свидетельствует о достаточно сложных обрядах, совершаемых древними людьми в пещере Заповедная». Однако кроме фотографии одного черепа в кладке нет ни одной иллюстрации этих, безусловно, выигрышных объектов памятника. И насколько уверенным можно быть в синхронности этих объектов датированным культурным слоям?

Тезис на С. 211 о том, что использование для изготовления орудий некачественного материала, можно объяснить или ритуальной изоляцией или предпочтением символического характера, а нарочитая небрежность, с которой сделаны орудия, отсутствие хороших призматических нуклеусов также указывает на отсутствие профессиональных навыков обработки камня у посетителей пещеры, не убедителен и спекулятивен. Как спекулятивен и тезис на С. 222 о том, что навыки и привычку для изготовления орудий из известняка и кальцита местные жители приобрели еще в детстве в ходе обрядов посвящения в пещерах.

Трудно согласиться с утверждением, что размещение рабочих участков на вентральной стороне или проксимальном участке пластин и отщепов следует считать архаическими чертами в оформлении орудий (стоянка Сергеевка 1) (автореферат – С. 32).

На С. 262 автор пишет о том, что немногочисленный ряд памятников начального периода верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы

приурочен к погребенным торфяникам. А далее выводит, что возможно влажный климат и заболачивание водоемов способствовали тому, что население компенсировало дефицит каменного сырья широким использованием кости. Логика этого вывода не понятна: как влажность и заболачивание могли повлиять на дефицит каменного сырья и на усиленное использование кости?

В заключении автором сформулированы основные выводы исследования, изложенного в диссертации. Они в целом демонстрируют обоснованный характер выносимых на защиту положений.

На данном основании следует признать, что, не смотря на видимые замечания, поставленные задачи соискателем достигнуты: представлен свод памятников, проведены исследования и выстроена культурно-историческая концепция среднего и верхнего палеолита Южного Урала. Несомненно, что эти научные разработки в археологии Южного Урала будут востребованы. Соискателем проделана огромная работа по обобщению и систематизации археологического материала.

Основные положения диссертации нашли отражение в 85 статьях, в т.ч. 20 из них в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК, 4 коллективных монографиях. Текст автореферата полностью соответствует тексту диссертации.

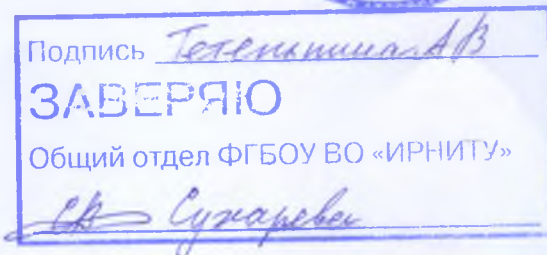
Диссертация В.Г. Котова отвечает современным требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 5.6.3 – археология. Вячеслав Георгиевич Котов заслуживает присуждения степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 – археология.

Официальный оппонент

Тетенькин Алексей Владимирович

доктор исторических наук (Специальность 5.6.3. – археология),

Профессор кафедры истории и философии,

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова 83

Телефон: +7(908)663-35-71,

e-mail: altet@list.ru

28.01.2025